

Прилетает по ночам
ворон,
Он бессонницы моей
кормчий,
Если даже я ору ором,
Не становится мой крик
громче...

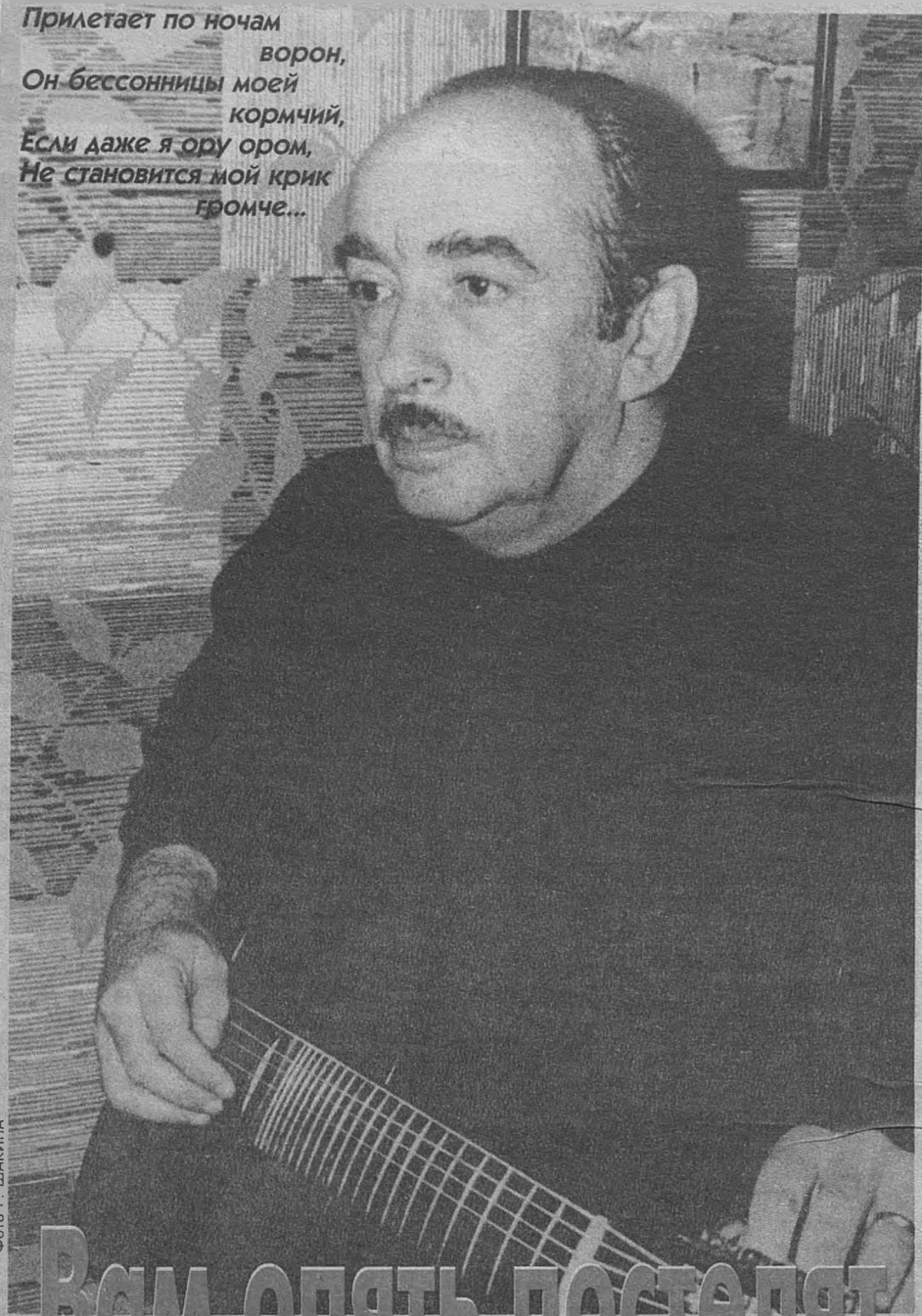

фото Г. ШАКИНА

Вам опять постелят на кухне, потому что Галич вернулся

Еще одна лицейская годовщина и еще один день рождения поэта, умудрившегося подгадать свое рождение аккуратно под этот день. В незабываемом 19-м году незабвенного XX века.

В декабре исполняется двадцать лет со дня его гибели. Как ни странно, о смерти Александра Галича тогда тут же сообщили «Известия», а через несколько дней и дочерняя «Неделя». Компетентные источники (они же «органы») утверждали, что поэта убило ЦРУ.

Чи «чистые руки и горячее сердце» стояли за той «чистой работой», сомнений у читателей «Известий» в те годы не возникало. В его смерть «от несчастного случая» могла поверить разве что французская полиция в образе комедийного Луи де Фюнеса. Недаром «Черновик автоэпитафии» Галич пел на мотив «Марсельезы»: «Когда собьет меня машина, сержант подпишет протокол и представительный мужчина тот протокол положит в стол...»

Его было за что убивать. Поэт, проникший в тайну мышления советского обывателя (и советского начальства), был опасен игрой на опережение. Событие могло даже еще и не совершиться, а он уже знал, как будут реагировать на это кремлевские старцы.

Наверное, им казалось, что он читает их мысли и близко к тексту излагает их завтрашние секретнейшие решения.

В начале девяностых во власть пришли другие люди, и нам помнилось, что Галич, потеряв былую актуальность, стал просто поэтом — одним из блестящих лириков российского столетия.

Рано мы радовались. Десятилетие еще не закончилось, не успели даже забыть имена горбачевских «крикунов и печальников», а в начальники страны вышли галичевские типы — красный директор Клим Петрович Коломийцев и бессмертный приватизатор Царского Села Кузьма Кузьмич Кузьмин: «Промолчи — попадешь в богачи...»

И еще: «Нас не трогай — и мы не тро...»

Этот поэт вновь современен. Потому что опять «те, кто выбраны, те и судьи. Посторонним вход воспрещен», и опять в России «непротивление совести — удобнеее из чудачеств», и друзья уходят «одни в никуда, а другие в князья», и кремлевская охота гуляет по пороше, и не знаешь, «кто живой, а кто мертвый», и те, кто наглотался опивок перестроечного якобинства («не укус еще, но уже не вино»), вновь привыкли «гонять вечера в незатейливых спорах» на кухнях под Галича.

Только старая «Эрика» уже не берет четыре копии, а лазерный принтер не по карману. Мы думали, что возвращение поэта — всегда праздник. Мы были дураками.